

Е.М. Криволапова*

**«КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ОБЯЗАН О СЕБЕ НАПИСАТЬ»:
К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. РОЗАНОВА**

В статье рассматривается вопрос о жанровой природе произведений В.В. Розанова «Уединенное», «Опавшие листья» и других, выявляется сходство этих произведений с дневниковым жанром, рассматриваются условия, которые способствовали зарождению и развитию автодокументальной литературы. Большое внимание автор уделяет жанровым критериям дневника, среди которых – синхронность, автокоммуникативность, литературная необработанность текста, датировка записей. Одна из важнейших особенностей произведений Розанова – сочетание и взаимодействие в них двух начал: художественного и документального. «История его души» переплетается с повествованием о событиях личной жизни, о своих близких и знакомых, о реалиях времени. В этом отношении книги совмещают в себе несколько жанров: это и дневник, и воспоминания, и семейные хроники. Автор приходит к выводу, что новый жанр произведений Розанова явился отражением тех тенденций, которые были характерны для русской литературы рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: В.В. Розанов, дневник, жанр, жанровые критерии

«Each person must write the book of one's own life»: towards the issue of defining the genre of Vasily Rozanov's works. ELENA M. KRIVOLAPOVA (Kursk State University)

The article discusses the issue of defining the genre of such works by Vasily Rozanov as «Solitaria» and «Fallen leaves», reveals their closeness to the diary genre, and studies the conditions that contributed to the emergence and development of such auto-documentary literature. The author pays great attention to the genre criteria of a diary, among which she names synchronicity, autocommunication, lack of literary redact, and dating of entries. One of the most important features of Rozanov's works is the combination and interaction in them of two principles – artistic and documentary. «The story of his soul» is intertwined with a narrative about the events of his personal life, his relatives and friends, the realities of his time. In this respect, the books combine several genres: diary, memoirs, and family chronicles. The author concludes that the new genre of Rozanov's works was a reflection of the tendencies that were typical for Russian literature at the turn of the XXth century.

Keywords: Vasily Rozanov, diary, genre, genre characteristics

* КРИВОЛАПОВА Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы филологического факультета Курского государственного университета.

E-mail: jelen95@mail.ru

© Криволапова Е.М., 2021

На сегодняшний день вопрос о жанре произведений В.В. Розанова является одним из дискуссионных. В научном обиходе сохраняются самые разнообразные определения: фрагментарная проза, дневниковый текст, журнально-публицистический жанр – но ни одно из них не вбирает в себя всей полноты тех смыслов, что вложил в них философ. Подобные «разночтения» проявляются на всех уровнях: от общих справочных изданий до исследовательских работ. И это вполне закономерно, поскольку сам Розанов настаивал на том, что его произведения не подходят ни под одно жанровое определение, потому что в высшей степени индивидуальны и «единичны» так же, как и он сам: «Больше этого вообще не сможет никто, если не появится *такой же*. Но, я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны» [13, с. 349].

В свое время выход «Уединенного» вызвал не только ожесточенные споры, но и полное неприятие произведения. Отторжение вызвала сама манера письма: «розановская интимность, обращенность к самому личностному» [10, с. 5], стремление к «заголению», выставлению себя в неприглядном виде, в своем почти «юрродстве». Так, например, Зинаида Гиппиус считала, что этой книге «не должно быть». В 1912 г. в пятом номере «Русской Мысли» под псевдонимом Антон Крайний она опубликует статью «Литераторы и литература», в которой о книге Розанова говорится так: «С первых же строк этой *напечатанной* книги вас охватывает страх. И не приятный страх, а смешанный с отвращением. Еще не разобрался, еще не понял, что же, собственно, тут ужасного? А первый, глубоко внутренний голос уже твердит: “Нельзя! нельзя! не должно этой книге быть!”» [4, с. 418].

Но тем не менее появление именно такой, непривычной и даже эпатажной для современников Розанова книги было вполне закономерным. Чтобы обосновать правомерность подобной точки зрения, следует обратиться к причинам, побудившим писателя к созданию произведений особого типа, до тех пор не встречавшихся в русской литературе. Прежде всего, нужно отметить, что в своем творчестве В.В. Розанов отразил все те особенности, которые были характерны для литературного процесса рубежа XIX–XX вв. Его знаменитая фраза «во мне происходит разложение литературы» означала то, что век русской классической литературы с ее демократическими устремлениями и идеалами

общественного служения подошел к своему исходу. Наступают новые времена, требующие иных форм и способов отображения действительности.

Подвергается трансформации и сама личность писателя, меняется его общественная роль, миссия «заступника», учителя, проповедника. По словам И.Л. Волгина, на рубеже XIX–XX вв. «происходит разрушение условной авторской личности (что принимается за конец литературы)» [3, с. 69], на первый план выдвигается принцип «индивидуальности». «Возможно ли было появление «Уединенного», скажем, в 1870-е гг.?» – задается вопросом исследователь и сам же отвечает: «Вопрос риторический. Общество 1870-х не было приурочено к восприятию подобной поэтики. <...> Лишь *после* Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Вл. Соловьева, Д.С. Мережковского, А.А. Блока, после Ницше (“человеческое, слишком человеческое”) становится возможным феномен “Опавших листьев”» [3, с. 69].

Впоследствии З. Гиппиус ставила в вину Розанову его антиобщественность, равнодушие ко всякого рода «революционным потрясениям». Причиной этого, по убеждению писательницы, было «безмерно, без границ развившееся чувство личности, самости, единственности», что полностью «переродило его душу» [4, с. 418] и тем самым вызвало к жизни книгу, которой «не должно быть», т.е. «Уединенное».

Чувство «личности, самости», возобладавшее в Розанове, было показателем начавшихся изменений в культурном сознании общества и отражало процесс трансформации традиционных жанров в литературе. Следствием этого явился повышенный интерес к так называемой «литературе факта». «Эстетический слух» общества начала XX в. начинает по-иному воспринимать бытовой факт, и его значимость, весомость оцениваются как свидетельство «великого времени». Именно тогда Розанов приходит к выводу, что «писать надо с опорой на “факты”, на личный опыт и личные ощущения» [6, с. 8].

В литературной среде был хорошо известен интерес философа к «человеческим документам», в частности, к письмам. «“Литература частных писем” всегда казалась ему самою интересною и дорогою в виду того, что там находилась рукотворность человеческих дел, – отмечает В.Г. Сукач. – <...> Рукописность, он говорил, – это след человека на земле...» [17, с. 4].

Интерес к «литературе факта» аккумулировался в поистине всеобщее увлечение общества дневниковой литературой. В русской культуре начала XX в. дневник занимал особое место. Из бытового документа он превращается в литературное явление, неоднозначное, противоречивое, но при всем этом поразительно устойчивое: дневники пишутся, читаются перед широкой аудиторией, обсуждаются как художественные произведения, публикуются. Стремлением вести дневник были «охвачены» не только «приближенные» к искусству, но и те, кто по роду своей деятельности был от него весьма далек.

Исследователи часто называют Розанова «классиком дневникового жанра» [9, с. 112] или «условно дневникового жанра» [8, с. 75], и это представляется вполне обоснованным, несмотря на то, что философ нигде не упоминал о возможности ведения дневника. Тем не менее писательские установки Розанова вполне соответствовали тем, которых придерживается любой человек, стремящийся зафиксировать свою жизнь на бумаге. Объясняя в «Опавших листьях», каким образом появилось «Уединенное», Розанов замечает: «Собственно мы *хорошо знаем* – единственно себя. О всем прочем – догадываемся, спрашиваем. Но если единственная “открывшаяся действительность” есть “я”, то очевидно и рассказывай об “я” (если сумеешь и сможешь). Очень просто произошло “Уед.”» [13, с. 378].

Та же мысль, но уже в более развернутом варианте представлена Розановым и в цикле «Сахарна» («Перед Сахарной»), где он пишет: «Собственно, есть *одна книга*, которую человек обязан внимательно прочитать, – это книга его собственной жизни. <...>

Его личная жизнь – единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается *для своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*. <...> “Уедин.”, собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. “Все прочее не существенно”» [15, с. 25].

В «Уединенном», размышляя о «глубочайшей субъективности» как коренном свойстве своей натуры, Розанов записывает: «Мой афоризм в 35 лет: “Я пишу не на гербовой бумаге” (т.е. всегда можете разорвать)» [16, с. 248]. И такая позиция вполне согласуется с пози-

цией человека, ведущего дневник: он в любой момент волен приостановить свои записи, или прекратить, или вообще уничтожить. Розанов считал, что именно такая «форма письма» явится впоследствии залогом его писательского бессмертия. «Буду ли я читаем?» – спрашивает у себя Розанов в «Мимолетном». И тут же отвечает: «Я думаю, – вечно. Какая причина забыть? Никакой. “Добрый малый, который с нами беседует обо всем”. Который есть “мы”, который есть “один из нас”» [14, с. 63].

Примечательно, что через несколько десятилетий ученик В.В. Розанова Михаил Пришвин в своих дневниках будет отстаивать приоритет именно такой формы записей. Исследователи не раз обращали внимание на усвоение Пришвиным творческой манеры розановского «письма». В.А. Емельянов отмечает, что «на заключительном этапе творчества М. Пришвина (как и В. Розанов в отношении своих “опавших листьев”) приходит к осознанию того, что именно дневник как литературная форма наиболее подходит ему как писателю, что он и родился, может быть, только для того, чтобы воплотить в слове эту форму» [7, с. 26].

Но если у Розанова воплощение «быстротекущей минуты» выразилось в «культурно-архетипическом образе» опадающих листьев, по наблюдению И.А. Едошиной, обычно связываемом с итогами человеческого бытия, мимолетностью жизни [5, с. 47], то у Пришвина «проходящее мгновение действительности» художественно материализовалось в образе «капли» («Капля – это проходящее мгновение действительности...»). Его поймет тот, кто, по мнению М. Пришвина, «чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их» [12, с. 154].

Свою позицию «дневниковеда» Розанов обозначает уже в названии: «Уединенное. Почти на праве рукописи», тем самым декларируя приоритет «рукотворности», «рукописности» над «литературностью». «Дневниковые координаты» проявляются и в другой установке Розанова – «намеренном устранении выбора». По его собственным словам, это главный «метод составления» «Уединенного» и «Опавших листьев»: «Очень многие места мне было самому очень *трудно отдать в печать*, – и именно места самые интимные, нежные, а с другой стороны, места очень грубые <...>. Но я себя *принудил*. Конечно, я “выбрать” слишком сумел

бы. Но это была бы не “душа”, а “литература»» [15, с. 8].

Розанов стремится к «первообразности», к сохранению написанного в том виде, в каком оно «написалось» с первой попытки, что соответствует одному из обязательных критериев дневникового жанра. Иными словами, философ выступает против “обработки” текста, которая неизбежно сопровождает любую публикацию. Писатель, работая “на публику” (а печать неизбежно заставляет *так* работать), становится *поневоле* неискренним, вот что не дает покоя Розанову» [19, с. 597].

Синхронность как один из ведущих критериев дневникового текста соблюдается Розановым неукоснительно. В «Уединенном» и «Опавших листьях» об этом свидетельствуют многочисленные пометы («в нашей редакции», «за нумизматикой», «на улице» и т.д.), а иногда присутствует и датировка записей. Стоит отметить графические средства, свойственные дневниковым записям, которыми широко пользуется Розанов: курсив, кавычки, скобки, «шрифтовые выделения» и, конечно же, сокращения слов, создающие эффект «торопливости», когда быстро, на лету нужно зафиксировать мысль в таком виде, в каком она сформировалась в сознании человека.

Другой жанрообразующий признак дневника, зафиксированный в справочных литературоведческих изданиях, – это форма ведения записей от первого лица, что, в свою очередь, неизбежно поднимает вопрос о дневнике как особой форме автокоммуникативного текста, подразумевающего тождество автора и адресата. На это в свое время обратил внимание В.Н. Топоров: дневник «не просто интимен (интимна и исповедь), но интимность его такова, что она не предполагает читателя...» [18, с. 84]

Уже первое произведение Розанова «Уединенное» представляет собой сложную форму литературной коммуникации, отличную от дневниковой. В этой связи стоит привести мнение И. Волгина по поводу жанровой природы произведений В.В. Розанова и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Анализируя способы автокоммуникации в произведениях этих писателей, исследователь приходит к выводу, что в обоих случаях это искусные жанровые имитации» [3, с. 61–62], поскольку «оба автора имеют в виду *Другого* – значительную по размеру аудиторию, которая, желает она этого или нет, воспринимает их “дневниковые усилия” именно как литературу» [3, с. 62]. Их дневниковая

форма – не более чем литературная условность, позволяющая авторам решать сугубо художественные задачи» [3, с. 63].

У Розанова композиционно-речевая структура «Уединенного» и в дальнейшем «Опавших листьев» представлена авторским монологическим словом, которое получило выражение в форме прямого авторского «я». Автокоммуникативность в произведениях такова, что читатель как бы «устраняется» – не случайно Розанов оговаривается: «Пишу ни для кого, для себя». Сложность положения, которое занимает читатель в тексте, состоит в том, что его как будто и нет согласно авторской установке, но, с другой стороны, его присутствие, пусть и недостаточно явно, но ощущается. Внешне это проявляется стилистически (например, явно ориентированные на читателя фрагменты текста, обращения к нему, «внутренние диалоги» с философами, писателями, религиозными деятелями) и во внетекстовой информации (графические выделения, например, курсив, рисунки, предваряющие или завершающие текст, или же вставленные в него).

Таким образом, несмотря на декларируемый отказ Розанова-автора от читателя, его книги содержат в себе адресованность, поскольку любой текст имеет право на существование только тогда, когда в нем есть автор-создатель и читатель-адресат. Установка Розанова на «безадресность» на самом деле есть художественный прием, так называемая провокация читателя, стремление полемизировать с ним, столкнуться с собственной точкой зрения. Но, с другой стороны, читатель для Розанова представляется не только своеобразным оппонентом, но и таким собеседником, которому можно доверить самые сокровенные мысли. Писатель не всегда доводит их до логического завершения, как бы останавливаясь на полуслове, в результате чего читатель становится участником творческого процесса, в какой-то степени соавтором.

В первых строках «Уединенного» Розанов делает весьма существенную оговорку, в которой как бы отгораживается от читателя, сводит на нет попытку установления каких бы то ни было отношений между автором и читателем – ведь Розанов «пишет для себя». Но поскольку его произведениям присущи признаки дневникового жанра («рукописность», незавершенность, субъективность), то проблема автор – читатель не снимается, а становится более явной. В любом дневнике присутствует потенциаль-

ный читатель, «косвенный адрес», к которому невольно обращается автор дневника («эффект человека у зеркала», по выражению М.М. Бахтина: «Не я смотрю изнутри *своими* глазами на мир. А я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами...») [2, с. 241]. Произведения В.В. Розанова оказываются таким хаотично организованным читательским дневником, наполненным авторской рефлексией по поводу различных событий, происходящих в его жизни.

В то же время неправомерно утверждать, что в «Уединенном» и «Опавших листьях» личность автора не соприкасается с Другим. В этом случае скорее можно говорить о принципиальной не-ориентации Розанова на Другого, субъективности автора, которая выразилась в его стремлении мгновенно вербализовать то, что возникло у него в душе, не дожидаясь дальнейшей «обработки» мысли. Такая позиция Розанова объясняется и тем, что Другой для него (а это не только читатель, но и все общество, его мораль и т.п.) не имеет особого значения и даже где-то враждебен ему со своей деструктивной силой, уродующей личность и не дающей ей естественно развиваться.

Исследователи отмечают, что размышления В.В. Розанова соотносятся с идеями М.М. Бахтина о своеобразии саморефлексии человека диалогического типа сознания. Выразить самого себя – это, согласно Бахтину, сделать себя объектом для другого и для себя самого (первая ступень объективации). Но можно выразить и свое отношение к себе как объекту (вторая ступень объективации). При этом собственное слово становится объектным и получает второй – собственный – голос [1, с. 304–305]. «Неповторимость и уникальность Розанова состоит в том, что он не только делает себя объектом для другого и для самого себя и выражает свой взгляд на действительность, но и раскрывает отношение к себе как субъекту» [11, с. 12].

Говоря о сложном образе автора в розановских книгах, необходимо отметить, что он не поэтизирует собственное «я», а наоборот, предельно снижает. Автор – это обыкновенный, ничем не примечательный рядовой человек, имеющий много недостатков, начиная с внешнего облика и кончая характером. Так, например, в «Уединенном» Розанов рисует свой портрет, как был глядя на себя «чужими глазами» (эффект «человека у зеркала»). От описания «мизерного» облика он переходит к изображению своего внутреннего мира. В центре внимания –

«самосознающая душа», именно ее «жизнь» становится предметом изображения писателя. В «Уединенном» ему удастся зафиксировать тончайшие движения души и разнообразные эмоциональные состояния. Стремление Розанова к самоумалению и самоуничтожению говорит о том, что автору необходимо было подчеркнуть свою «обычность», типичность – таким его легче принять читателю, легче вызвать доверие. Розанов как бы приглашает его к интимной беседе, в которой и автор, и читатель равноправны. Одна из важнейших особенностей произведений Розанова – присутствие и взаимодействие в них двух начал: документального и художественного. «История его души» переплетается с повествованием о событиях личной жизни, о своих близких и знакомых, о реалиях времени. В этом отношении книги «вбирают» в себя сразу несколько автодокументальных жанров: дневник, воспоминания, семейные хроники. Так, например, все записи в книге «Уединенное» биографичны. Исследователи считают, что это произведение может рассматриваться как семейная летопись или жизнеописание. В этом контексте не случайно название книги о Розанове В.А. Фатеева – «С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова».

«Рукописность», декларируемая Розановым, – это ответ на вызов времени, одним из показателей которого был разрыв с эстетической традицией русской литературы и поиском новых способов отражения стремительно меняющейся действительности. Новый жанр его произведений явился отражением тех тенденций, которые были характерны для русской литературы рубежа XIX – XX вв., когда субъективный, личностный фактор выдвигается на передний план и принцип «индивидуальности» становится ведущим. В жанре, созданном В. Розановым, проявились признаки художественного сознания начала XX в. – и прежде всего стремление к разрушению жанровых границ. Отсюда «мимолетность» мыслей, алогичность, отсутствие четкой структуры, фрагментарность, свойственные произведениям Розанова и ошибочно принимаемые за «конец литературы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.

2. Бахтин М.М. «Человек у зеркала» // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 240–241.
3. Волгин И.Л. Метаморфозы личного жанра («Дневник писателя» Достоевского и «Опавшие листья» Розанова) // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 61–72.
4. Гиппиус З.Н. Литераторы и литература // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. С. 414–421.
5. Едошина И.А. Структурно-семантическая природа розановских «листьев» // Энтелехия. 2005. № 11. С. 46–51.
6. Емельянов В.А. Преодоление вымысла. (О документально-психологической прозе В. Розанова). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007.
7. Емельянов В.А. Фрагментарная проза начала XX века. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009.
8. Келдыш В.А. Розанов и русская литература Серебряного века // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. М., 2009. С. 73–80.
9. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007.
10. Николюкин А.Н. Магия слова как философия. О своеобразии мирозерцания В.В. Розанова // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. С. 3–10.
11. Полюшина В.Г. Художественно-философская трилогия В.В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья»): образ автора и жанр: автореф. дис... канд. филол. н. Волгоград, 2005.
12. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. Дневник любви. М.: Художественная литература, 1996.
13. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 275–418.
14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 2. Мимолетное. М.: Республика, 1994.
15. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 9. Сахарна. М.: Республика, 1998.
16. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 193–274.
17. Сукач В.Г. *Enfant terrible* русской литературы // Наше Наследие. 2006. № 78. С. 2–5.
18. Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исиава Такубоку) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 78–99.
19. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 8. Когда начальство ушло... М.: Республика, 1998. С. 597–602.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M., 1986. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of the text in linguistics, philology and the human sciences: an essay in philosophical analysis]. In: Bahtin, M.M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo, pp. 297–325. (in Russ.)
2. Bakhtin, M.M., 2000. «Chelovek u zerkala» [«Man at the mirror»]. In: Bakhtin, M.M., 2000. *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. Sankt-Peterburg: Azbuka, pp. 240–241. (in Russ.)
3. Volgin, I.L., 2009. *Metamorfozy lichnogo zhanra («Dnevnik pisatelya» Dostoevskogo i «Opavshie list'ya» Rozanova)* [Metamorphoses of the personal genre («A writer's diary» by Dostoevsky and «Fallen leaves» by Rozanov)]. In: *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 61–72. (in Russ.)
4. Gippius, Z.N., 2003. *Literatory i literatura* [Men of letters and literature]. In: Gippius, Z.N., 2003. *Sobranie sochinenii*. T. 7. *My i oni. Literaturnyi dnevnik. Publitistika 1899–1916 gg.* Moskva: Russkaya kniga, pp. 414–421. (in Russ.)
5. Edoshina, I.A., 2005. *Strukturno-semanticheskaya priroda rozanovskikh «list'ev»* [Structural and semantic nature of Rozanov's «leaves»], *Entelekhia*, no. 11, pp. 46–51. (in Russ.)
6. Emel'yanov, V.A., 2007. *Preodolenie vymysla. (O dokumental'no-psikhologicheskoi proze V. Rozanova)* [Overcoming fiction. (On the documentary psychological prose of Vasily Rozanov)]. Astrakhan: Izd. dom «Astrakhanskii universitet». (in Russ.)
7. Emel'yanov, V.A., 2009. *Fragmentarnaya proza nachala XX veka* [Fragmented prose of the early XXth century]. Astrakhan: Izd. dom «Astrakhanskii universitet». (in Russ.)

8. Keldysh, V.A., 2009. Rozanov i russkaya literatura Serebryanogo veka [Rozanov and Russian literature of the Silver Age]. In: Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva. 29–31 maya 2006 g. Moskva, 2009, pp. 73–80. (in Russ.)
9. Mikheev, M.Yu., 2007. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX) [Diary as an ego-text (Russia, XIX–XX centuries)]. Moskva: Vodolei Publishers. (in Russ.)
10. Nikol'yukin, A.N., 1992. Magiya slova kak filosofiya. O svoeobrazii mirosozertsaniya V.V. Rozanova [The word-magic as a philosophy. On the uniqueness of Rozanov's worldview]. In: Rozanov, V.V., 1992. Religiya. Filosofiya. Kul'tura. Moskva: Respublika, pp. 3–10. (in Russ.)
11. Polyushina, V.G., 2005. Khudozhestvenno-filosofskaya trilogiya V.V. Rozanova («Uedinennoe», «Opavshie list'ya»): obraz avtora i zhanr [The trilogy of fiction and philosophy by Vasily Rozanov («Solitaria», «Fallen leaves»): the author's image and genre], avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd. (in Russ.)
12. Prishvin, M.M. and Prishvina, V.D., 1996. My s toboi. Dnevnik lyubvi [You and me. Love diary]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 1990. Opavshie list'ya. Korob pervyi [Fallen leaves. Box one]. In: Rozanov, V.V., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Uedinennoe. Moskva: Pravda, pp. 275–418. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 1994. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 2. Mimoletnoe [Collected works: in 30 volumes. Vol. 2. The fleeting]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
15. Rozanov, V.V., 1998. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 9. Sakharna [Collected works: in 30 volumes. Vol. 9. Sakharna]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
16. Rozanov, V.V., 1990. Uedinennoe [Solitaria]. In: Rozanov, V.V., 1990. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Uedinennoe. Moskva: Pravda, pp. 193–274. (in Russ.)
17. Sukach, V.G., 2006. Enfant terrible russkoi literatury [Enfant terrible of Russian literature], Nashe Nasledie, no. 78, pp. 2–5. (in Russ.)
18. Toporov, V.N., 1989. Dva dnevnika (Andrei Turgenyev i Isikava Takuboku) [Two diaries (Andrey Turgenyev and Ishikawa Takuboku)]. In: Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. Vyp. 4. Moskva, 1989, pp. 78–99. (in Russ.)
19. Fedyakin, S.R., 1998. Zhanr, otkrytyi V.V. Rozanovym [The genre discovered by V.V. Rozanov]. In: Rozanov, V.V., 1998. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 8. Kogda nachal'stvo ushlo... Moskva: Respublika, pp. 597–602. (in Russ.)

